

В те заповедные времена, когда девушки щеголяли в беретах, натянутых на ушко, «матросках» и белых носочках, духовые оркестры в парках играли щемящие вальсы и душераздирающие танго, а словосочетание «заниматься любовью» показалось бы таким же диким, как «заниматься чувствами», он услышал Ее, и его жизнь была предопределена.

Жорж, одинокий рыцарь примадонны

Воск. Москва — 1997 — 22 марта — с. 5

Пенсионер Епифанов живет наедине с портретом своей мечты

Он встретил меня в парадном сюртучке джентльмена колониальных времен. Этаким несколько поиздержавшийся отставной сар на неверных стариковских ногах, с наждачной щетиной, прорехами между зубов, но с фанфаронским блеском в глазах. Специфическую затхлость берлоги одинокого джентльмена оживляла единственная фотография на буфете — отчаянно молодой и свежей Клавдии Шульженко. Приближался день рождения примадонны его жизни, и размеренную унылость холостяцкого быта нарушали журналисты разных СМИ. В квартирке размером со спичечный коробок сворачивалась съемочная группа «Времечка» во главе с очаровательной репортершей. Было похоже, что телебарышня не на шутку раззадорила престарелого бойца. Во всяком случае в прощальном их рукопожатии почувлился мне тонкий и делурный зверанс. Он бережно и как бы даже профессионально помял обеими руками нежную лапку репортерши. Но не ограничился и тыльной стороной ладони погладил бархатистую щеку, как глядя пушистеньких мурлыкающих кошечек. Барышня зарделась. «Ах, Георгий Кузьмич!» Хозяин — глаза в глаза — изысканно и витиевато выразил надежду, опять же отнюдь не протокольную, на новые встречи. Барышня уже с характерной женской настороженностью, отступая к двери, тактично кланялась и как бы обещала.

Мы остались одни, и хозяин любезно, хотя и несколько торопливо, предложил выпить водочки. Чувствовалось, что водочки он не пил давно, может быть, с утра. Любовно расставил «прибор». В жестях и репликах старого джентльмена просматривалась та неповторимая деликатность, которая если еще и встречается, то исключительно у людей того, почти сошедшего поколения. То, что мы в обиходе зовем «порядочностью». Когда ты, может быть, и не херувим, но по крайней мере точно знаешь, что можно, а что нельзя. Мы выпили за Клавдию Ивановну, и я буду неточен, если сообщу, что этот тост был единственным.

Рюмка 1. Для меня она жила за облаками

Когда я еще был студентом и накнулся на пластинку Клавдии Ива-

новны, то понял — это мой голос.

С этого момента я заходил в музыкальные магазины только с одной фамилией на устах — Шульженко. Если появлялась новая пластинка, немедленно говорил: «Заверните!». У меня скопилось, наверное, не меньше двухсот ее пластинок. Эта женщина пленила меня раз и навсегда.

На преддипломную практику меня направили на «Ленфильм». Иду по Невскому, читаю афиши. «Концерт Клавдии Шульженко». Помчался немедленно покупать билет. Через день пришел в Дом культуры промкооперации и впервые увидел ее — из зала. Увидел и дополнительно восхитился этой женщиной. До нашего «очного» знакомства оставалось семнадцать лет.

Уходя в армию, я упаковал жестяную коробку из-под киноплёнки — она идеально подходила размером для грампластинок. Взял с собой и решил — это амулет. И прошел четыре года войны без единой царапины.

Вернувшись из армии, раздобыл адрес и стал посылать ей открытки к праздникам. Короткие, теплые — без всяких там завитушек и розочек. Таким образом снимал напряжение. Подписывал инициалами «Г. Е.» Для меня она жила за облаками. Ее поздравляли сотни людей, но потом выяснилось: мои открытки она сохранила.

Рюмка 2. Дайте, пожалуйста, руку...

Это удивительное создание. Я ее любил, люблю и буду любить до конца своих дней. Это личность несравненная. Притом, что были у нее, конечно, свои дамские «закидоны». Я

ей многое прощал. Например, невероятнейшую ревность. Совершенно на пустом месте. Вот, пожалуйста: Крым, санаторий «Мелас» в Ялте. Сидим в летнем кинотеатре, я, естественно, держу ее руку в своей руке. Вдруг чувствую — охлаждение. То она покорно отдавала свою руку, то... Кончился сеанс, выходим. Выясняется: мы сидели в двенадцатом ряду, между тем как во втором расположилась смазливая блондиночка. Так Клавдии почудилось, что я смотрю не на экран, а в спину этой женщины. Вечер был испорчен бесповоротно. Эта колоссальнейшая беспочвенная ревность была предметом моих глубоких огорчений. Тут

меня и говорит: «Слушайте, вы или уходите, или оставайтесь». Такая альтернатива меня необыкновеннейшим образом обрадовала. Но при этом мне стало страшно: справлюсь ли я с той чрезвычайной миссией, которая мне предстоит? Всякое бывает в нашем мужском деле, не правда ли? Испугался, но отчаянно сказал: «Остаюсь!».

Рюмка 4.

Обиды и Вечность

Можно я буду называть вас Витей? Это была брачная ночь, которая длилась в общей сложности восемь лет. Я верю, что был единственным любимым ею человеком. Жили мы каждый у себя, но пропадал я у нее без кон-

«Комсомолка», кажется, написала: они друг друга безумно ревновали. Неправда! Это она меня ревновала.

Рюмка 3. Угадай, кто?

Как мы познакомились? Мое заочное увлечение этой женщиной ни для кого не было секретом. Как-то режиссер, с которым мы работали, Марианна Семенова, является в студию: Жорж, твоя Клавочка отдыхает в одном санатории с моим Сережей (муж). Твоя Клавочка! И что? У тебя автомобиль в порядке? В порядке. Мне нужно к Сереже отвезти профессора (муж болел). Конечно, поедем. И мы поехали. Въезжаем на территорию санатория имени Артема на Ленинградском шоссе. Марианна была знакома с Клавдией, потому что как режиссер монтировала фильм «Концерт фронту». И вот она бежит к ней в номер и восклицает: «Клавочка, угадай, кого я привезла?» — «Профессора?» — «Нет, человека, который тебя безумно любит!». Клавдия к этому времени уже два года как развелась с мужем, Владимиром Коралли. Вышли на балкон. «Вон, внизу двое мужчин, угадай кто». — «Который молодеж?» — «Угадала». — «А как его зовут?» — «Жорж». — «А фамилия?» — «Епифанов». Шульженко задумалась и всплеснула руками: «Господи, так это и есть Г. Е.!».

Потом Марианна впишула меня в ее комнату. Дрожанием голоса она сказала: «Здравствуйте». Клавдия Ивановна спрашивает: «Вы сейчас возвращаетесь в Москву? Можно я поеду с вами?». Еще бы! Не против ли я, чтобы в мой автомобиль села моя мечта?!

Потом попутчики мне рассказывали, что я никогда в жизни так благоговейно не вел автомобиль. Подъезжая, не спрашивая дороги, ведь знал адрес — дом напротив Минист-

Клавдия Шульженко,
род. 24 марта 1906 г.
Народная артистка СССР.
Кумир поколения.
Умерла в 1984 г.

ца. Матушка моя покойная была возмущена этим обстоятельством, потому что считала, что родила сына для себя. А не для какой-то хоть Шульженко, хоть Фурцевой. Я вас милости прошу, я почти не выхожу, — купите мне хлеба! Хорошо? Спасибо... Клавдия была мягкая, отзывчивая, отходчивая. Но когда надо, умела быть жесткой. Помню, на концерте в КДС — то ли занавес повесили не так, то ли еще что — выдала со сцены такой текст!

У нее была домработница, они с Клавдией всюду ходили вместе. Или со мной. Она не переносила одиночества.

Почему мы расстались? Однажды были на дне рождения одной дамы-композитора. Когда вернулись домой, я что-то замельтешил, помогая Клавдии снять пальто. Она мне вдруг сказала вещь такую грубую и обидную, что это... не прощается.

Она позвонила через 12 лет. Сказала: «У меня юбилейный вечер. Последний. Придешь?». Что я мог ответить женщине, которую обожал всю жизнь? После концерта мы поехали к ней домой и, сидя на кушетке, проговорили до утра. Она сказала: «Ты моя единственная и вечная любовь». Фотография на буфете та же, что и на ее памятнике на Новодевичьем. Когда она умерла, даже моя мама плакала.

Рюмка 5. После меня ничего не будет

Я игнорирую институт брака. Никогда его не посещаю. Никаких формальных уз! Клава предлагала мне законный брак, но я сказал: «Нет». Детей у меня не было, нет, и я всю жизнь принимаю меры к тому, чтобы их не было. Я счастливый человек. Нет, не потому, что я жуткий эгоист. Какой-то, конечно, эгоист, но не жуткий. Когда я уйду в мир иной, после меня ничего не будет. На мне закончится род. У меня нет братьев, нет сестер, даже двоюродных. Старшее поколение я схоронил — всех. Остается похоронить только себя. Но я к этому пока не готов.

«... С этой женщиной я узнал, что такое рай»

Когда я уже уходил, он попросил задержаться для потехи! Исключительно в соседнюю клетушку. Откуда затем выдвинулся заливхватски и застенчиво... в белом щегольском пиджаке, увеличанном регалями до такой степени, что, кажется, потряси и раздастся колокольный звон. От трех орденов Отечественной войны до свежей медали «Защитнику свободной России» (за Белый дом, он и там отличился).

— Для потехи! Исключительно для потехи!

Я подумал, что если мне когда-нибудь будет столько лет, сколько ему, то я хотел бы держать фасон так, как он.

Виктор ГАЛАНТЕР